

КЛАССИЧЕСКИЕ ГИМНАЗИИ В РОССИИ

А.И.Любжин

Отдел редких книг и рукописей

Научная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова

*...Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветенна мраморами саду;
Овцы не прибавит он к отцовскому стаду.
А. Д. Кантемир*

Сейчас не так мало учебных заведений, называющих себя «классическими» — некоторые подчеркивают этим словом общую приверженность традиционализму так, как они его понимают, другие включают в свою программу, скажем, «классическую физику» или «литературу», полагая, что этого вполне достаточно. Но кто по справедливости может утверждать, что дает «классическое образование» не в силу произвольного словоупотребления, поскольку «классикой» — как и «консерватизмом», «традицией» — можно объявить что угодно, а на самом деле, в строгом соответствии с тем, что в это слово вкладывалось мировой и русской педагогической мыслью?

Истоки

Само по себе слово «классический» в близком к современному словоупотреблению впервые встречается у латинского писателя II в. по Р. Х. Авла Геллия, который в своих «Аттических ночах» использует противопоставление «образцового» писателя (*scriptor classicus*) тому, который не обладает таковым качеством (*proletarius*). Слово *classicus* получило значение «образцовый», а поскольку этим статусом первоначально обладали только произведения античных авторов, то понятия «классической литературы» и «классической школы» стали прочно ассоциироваться с литературой и школой греко-латинской и обслуживающими их дисциплинами; даже тогда, когда новые языки смогли выставить конкурентоспособные произведения, лишь классическая литература утратила свое изначально узкое значение; классическая же школа — греко-латинская. Однако всякое ли училище, в программу которого входят древнегреческий и латинский языки, может претендовать на этот титул? Безусловно, нет, исходя из детской природы и связанных с ней незыблемых правил здоровой педагогики. Предметов не должно быть много, и потому прибавление к обычной программе одного-двух часов на древние языки в неделю не даст никакого положительного эффекта; напротив, от этого можно ждать только вреда, происходящего от пагубной многопредметности и иллюзорного знания. Древнегреческий и латынь в классической школе — не приправа к блюду, а самое блюдо; это интеллектуально-культурный стержень программы, к которому присоединилась математика. Эти три предмета должны занимать от половины до двух третей учебного времени; только тогда школа может претендовать на статус «классической».

Здесь читатель вправе задать недоуменный вопрос. Почему же в современном мире могла (а зачастую может до сих пор) считаться образцовой школа, преподающая столь бесполезные в реальной жизни предметы? В чем смысл и польза этих занятий? На этот вопрос и призван ответить наш краткий очерк.

Классическое образование в России: первые шаги

До XVII века Россия знала только элементарную школу. Для знакомства с достижениями иностранной научной мысли использовались переводчики, приглашенные из родной по вере Греции (находившейся в тот момент под турецким игом) и из Юго-Западной Руси, где потребность бороться с католицизмом его же

оружием привела к созданию высших училищ (напр., Киево-Могилянской коллегии) раньше, чем в Московии. Тип высшего образования был тем, что мы сейчас называем «начетничеством» — образованным считался тот, кто читал и хорошо знал Св. Писание, Отцов Церкви, а также иные произведения церковной и светской словесности в переводах. Этот тип породил тяжкую проблему церковного раскола; пришлось волей-неволей заняться устройством собственных школ с приглашенными учителями.

При всей своей схоластике они были классическими в своей основе. Когда Петр I стал создавать школы практической направленности, с артиллерией и фортификацией, с мореходными и естественными науками, две системы — «классическая», процветавшая в семинариях, и «реальная», укоренившаяся в практических школах, в кадетском корпусе, в домашнем воспитании — вступили между собой в конкуренцию, и мы можем с легкостью проследить ее результаты. Всю тяжесть образовательных реформ вынесли на себе семинаристы; нужны ли были студенты для университета и для Медико-Хирургической академии? — посылали искать их по семинариям; надо было заполнить вакантные преподавательские места? начальство писало туда же и вновь и вновь требовало толковых «риторов», «философов» и «богословов»... М. В. Ломоносов в зрелом возрасте пришел в Славяно-Греко-Латинскую Академию, где учился на первом этапе отнюдь не естественным наукам; это не помешало ему впоследствии достичь высот мирового естествознания. Но Ломоносов — лишь самый блестящий пример; в XVIII веке мы не знаем *ни одного* русского профессора из дворян — только поповичей; и если мы прибавим к ним два учебных заведения, дававшие также классическое образование в полном смысле этого слова — Академические гимназии в Петербурге и Москве, в меньшей степени в Казани — мы очертим круг источников, откуда только и могла черпать свое пополнение молодая русская наука. С литературой — дело иное; там выпускники аристократического Кадетского корпуса и питомцы домашних наставников блистали не меньше других. Мы не можем связывать это исключительно с типами образования; профессорская карьера для поповичей была способом вырваться из униженной бедности и стать полноправными членами общественной элиты; но факт остается фактом: ни один дворянин в XVIII столетии не выбрал для себя научной карьеры...

XIX век. Александровская гимназия

Систему полноценного среднего образования в России стали создавать только в XIX столетии. В конце 1802 г. образовано Министерство народного просвещения, уже в январе следующего года выходят «Предварительные правила народного просвещения», создаются шесть учебных округов, новые университеты в Казани и Харькове (не считая западной окраины). Но тогдашняя русская школа, выстроенная по самоновейшим и модным педагогическим доктринам, включавшая в рамках четырехлетнего курса множество «наук», страдающая энциклопедической поверхностностью и многопредметностью, оказалась на удивление неэффективной: громадные затраты дали мизерабельный эффект, и потому Император в отчаянии издал в 1809 году Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», вызвавший всеобщий ропот: дворянство не могло и не желало свыкнуться с мыслью, что успешная карьера невозможна без образованности (в скобках заметим, что эта проблема не утратила за почти два столетия своей актуальности). Не понимая, в чем дело, Александр I создал Царскосельский лицей, который должен был обогнать незрелую реформу и дать стране просвещенных чиновников; но один из умнейших консерваторов эпохи, сардинский посланник граф Жозеф де Местр, просмотрев проект плана Лицея, спас бедных лицеистов от греческого языка, ботаники, зоологии, химии и психологии. Вероятно, он спас их и от шизофрении, поскольку трудно даже представить себе последствия прохождения всего списка наук за шесть лет обучения. Хотел он устранить еще больше (естественную историю, историю, химию,

астрономию, эстетику с археологией и нумизматикой, систематическое изложение физических наук, изложение системы знаний о человеке, с идеологией и психологией, философские понятия о правах и обязанностях со знанием различных прав и греческий язык); к сожалению, это удалось лишь частично. Но какова же была аргументация просвещенного консерватора? Откликнувшись на программу трезвой оценкой, что или юные русские — ангелы, или их наставники сошли с ума, он продолжает: «нет более надежного метода привить навсегда отвращение к наукам несчастной молодежи, у которой голова будет всегда завалена и, так сказать, захлавлена этой колоссальной грудой непереваренных знаний, или, что еще хуже, наполнить ее всеми пороками, которые всегда влечет за собою полужнание, не уравновешивая их ни малейшим преимуществом».

Здесь читатель вправе прервать наше изложение и спросить: как же так? Если греческий язык — неотъемлемый элемент классического образования, то почему Жозеф де Местр ополчается на него? Читатель православный к этому прибавит, что здесь мы имеем дело с коварным подкопом «латинства» под нашу традиционную веру. Но и то, и другое будет несправедливо: сардинский посланник лишь напоминает о необходимости принять определенное решение, о невозможности совместить два совершенно различных типа без серьезнейшего ущерба для педагогики: «Хочет или не хочет Е. И. В. водворить в своих государствах классическое образование? Если он решает отрицательно, то нужно изгнать из образования ученые языки, которые заняли бы практически все время. Если же принимается положительное решение, нужно на первый план выдвинуть латынь», сопроводив ее только изучением математики (прекрасная и ценная наука), в сопровождении некоторых чтений по географии и истории. И вот — больше, чем нужно, чтобы занять все время. «Но нельзя строить себе иллюзий; напротив, нужно безоговорочно решиться в пользу да или нет, и прежде всего не воображать себе, будто можно усвоить ученые языки иначе, нежели методами предков».

Это первый документ в истории русской педагогики, где принципы и требования классического образования были бы заявлены с предельной определенностью и остротой. Лишь по иронии судьбы этот текст принадлежит иностранцу (хотя по ряду причин мы не имеем оснований сомневаться в его искренней привязанности к нашему Отечеству). Сделано было иначе, и — по крайней мере с Лицеем — нам достаточно хорошо известен получившийся результат. Побочный еще лучше, чем прямой, но и самый талантливый выпускник Лицея относился с нескрываемым сожалением к тому, что ему не удалось получить классическое образование...

Уваровская гимназия

Положение изменяется при Николае I. Сумбурная и колеблющаяся от крайнего либерализма до крайней реакции политика предыдущего царствования окончательно сдается в архив, и министры просвещения — К. А. Ливен (1828–1833) и С. С. Уваров (1833–1849) создают знаменитую николаевскую гимназию (позднее ее обычно именовали «уваровской») — высшее достижение русской педагогики. Создана она была в соответствии с «Уставом гимназий и училищ, подведомственных университетам» от 8 декабря 1828 г., который у нас традиционно толкуется как «реакционный». В первых трех классах гимназии введены телесные наказания; впоследствии они распространены и на старшие классы. Сильно сократилось количество предметов; одновременно вырос до 7 лет учебный курс. Учебный план гимназий включал Закон Божий, российскую словесность и логику, латинский язык, греческий язык (не во всех гимназиях), немецкий и французский языки, математику, географию и статистику, историю, физику, чистописание, черчение и рисование. Этот строго выдержанный план, не переобремененный лишними предметами, привел к расцвету образованности (так никогда и не повторившемуся в русской истории, где эпоха Николая I осталась непревзойденной в культурном отношении); в сочетании с

такими мерами, как заграничные командировки перспективных молодых специалистов, он дал и научный взлет. Несмотря на сохранившуюся во многих медвежьих углах (и даже крупных городах) «патриархальность» нравов, это были училища высокого уровня, и Николаю удалось решить проблему, до того составлявшую камень преткновения для правительства — подавить частное воспитание в честной конкуренции. Тогда дети во многих гимназиях с удовольствием читали греческих и латинских классиков в оригинале. Среди выпускников классических гимназий уваровского периода — ученые поколения С. М. Соловьева (золотого медалиста I Московской гимназии, произнесшего на торжественном акте 1838 года речь о необходимости изучения греческого языка), и писатели поколения Я. П. Полонского.

Катастрофа 1848—1852 годов

Но Николаю I суждено было собственными руками разрушить свое детище. Революция 1848 года с участием многих крупных немецких филологов и историков античности во Франкфуртском парламенте сделала античные древности подозрительными в глазах правительства. Общая безудержная реакция коснулась и школы. В 1849 году граф С. С. Уваров получил нервный удар и ушел в отставку. С греческим языком расправились радикально: он был позволен лишь в одной гимназии при университете на округ. Преподавание латинского языка было сильно сокращено. В истории многих гимназий (в том числе I Московской) мы знакомимся с преданиями о мужественных преподавателях, занимавшихся с желающими учениками древнегреческим языком сверх своей основной — немалой — нагрузки и зачастую бесплатно. Результаты разгрома сказались тогда, когда им и было положено: выходцы из гимназии последних лет царствования Николая I и первых — Александра II — это и есть знаменитое поколение нигилистов. Понижения культурного уровня гимназистов — а вслед за ним и университетского преподавания — оказалось катастрофическим.

Один из любопытных документов сопротивления русского образованного общества позднему николаевскому обскурантизму — записка Т. Н. Грановского «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой меры». Знаменитый профессор-историк яркими чертами описал противоположность двух типов образования — реального, готовящего «к жизни», и классического, с его традиционными задачами воспитания ума и души: «Здесь дело не в качественном, внутреннем, а в количественном, внешнем приготовлении к жизни. Осьмнадцатилетний мальчик, вставая в последний раз со скамьи высшего класса среднего реального заведения, должен обыкновенно знать Закон Божий, два новых языка сверх отечественного, алгебру, геометрию, физику, химию, естественную историю органических царств природы, историю, географию и даже право — настолько, насколько этих сведений нужно для практического приложения. Спрашивается, возможно ли достигнуть этой цели без чрезмерного напряжения сил и тем самым охлаждения любознательности в учащемся?.. Иначе понимает свою задачу здравая педагогика, менее заботящаяся о накоплении знаний и более обращающая внимание на развитие и упражнение духовных сил. Ограничивая по мере возможности число предметов преподавания, она ставит на первом плане древнюю филологию, как незаменимое никаким другим средство нравственного, эстетического и логического образования».

Гимназии Александра II

Катастрофа была слишком очевидной, чтобы на нее могло не обращать внимания правительство, как раз приступившее к многосторонним реформам. Уставами 18 ноября 1864 г. и 30 июля 1871 г. оно решительно разворачивает русскую школу на прежнюю дорогу.

В педагогической литературе часто можно встретить мнение о противоположной тенденции этих документов, «прогрессивности» первого и «реакционности» второго.

Это верно с социальной точки зрения, учитывающей демократичность и доступность образования, но не с педагогической: первый из этих документов утверждает классические принципы не в столь радикальном виде, как второй, ставший манифестом русского классицизма.

Здесь нам необходимо остановиться хотя бы вкратце на деятельности идеолога образовательной реформы — профессора Московского университета Михаила Никифоровича Каткова, ставшего — наряду с министром гр. Дмитрием Андреевичем Толстым, который руководствовался его советами, — любимой публицистической мишенью революционеров, либералов и прогрессистов (не считая определенной части консерваторов, либо просто не любящих латыни, как Д. И. Менделеев, либо выступавших за национальную школу). М. Н. Катков — знаменитый публицист, издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник»; заметим по поводу, что, по словам Н. Калягина, «вся русская классика 60–70-х годов была напечатана в национально-консервативном „Русском вестнике“. В изданиях менее одиозных наши классики печататься не могли, их туда просто не брали, а издателей более одиозных, чем Катков, в России не было». Именно он в цикле статей, впоследствии перепечатанном Л. И. Поливановым и С. Л. Фишер под общим заголовком «Наша учебная реформа» (мы уже писали об этом на страницах МШ), развернул с полным блеском и во всех подробностях идеологию классического образования; без знакомства с этим циклом невозможно никакое рассуждение об этой проблематике.

Исходный пункт Каткова — научное отставание от Западной Европы, несмотря на то, что русский не глупее европейца и уже полтора столетия ходит в «европейскую» школу. Однако эта школа у себя на родине не считается способной готовить к слушанию университетских лекций. Тип, предназначенный для такой подготовки, за исключением «неполной» уваровской гимназии, на русской почве не прививался. Потому необходимо, желая отечеству научного прогресса, воссоздать у нас подлинно европейскую гимназию, основанную на изучении древних языков и математики. Далее дается подробное обоснование необходимости именно этих предметов: школа может быть лишь тогда действенной, когда она выстраивается на основе идеи «концентрации», когда большая часть времени тратится на усвоение главной группы предметов, а остальные даются лишь настолько, чтобы не мешать основному учебному процессу. Современной школе, до предела измученной многопредметностью, эти идеи не покажутся еретическими; но какие предметы могут служить для концентрации?

Математика в состоянии выполнять эту функцию; но одной ее недостаточно. История? Но «в какие источники будут погружаться эти двенадцатилетние исследователи жизни народов и каузальной связи событий?». Русский язык и словесность? «Нет ничего труднее, как изучать и анализировать живой предмет, и притом такой, который есть одно с нами». Новые языки? Лучшее, что они могут дать, — разговорный навык. Естественные науки? В школе они собственно и не могут быть представлены как науки; здесь преподаются лишь их готовые результаты. Остаются древние языки с разработанной методикой преподавания и филологического анализа, с однородностью познающего акта от элементарных разборов до вершин филологии, с интеллектуальным напряжением, без чего невозможно развитие умственных способностей, эстетической красотой и нравственной возвышенностью разбираемых памятников. Греческий при этом играет культурную роль, латинский — формально-дидактическую.

Здесь нам придется отвлечься на минуту, поскольку это беглое изложение требует обозначить собственную позицию. Современный и недавний педагогический опыт России доказал, что интеллектуальное развитие возможно на основе математики и естественных наук; однако для него необходимо одновременное развитие духовных сил человека, его «сердца». Феномен Фоменко — самая яркая иллюстрация к последствиям одностороннего естественно-математического крена. Гуманитарные же

науки в России пребывают в жалком состоянии, потому что гуманитарная школа не знает предметов, способных решать проблему умственного развития учеников. Потому воссоздание классической школы — непереносимое условие, *conditio sine qua* возрождения российской гуманитарной науки.

Вопреки мнению большинства Государственного совета Император Александр II утвердил Устав 1871 г. В соответствии с ним право поступления в университеты было предоставлено лишь выпускникам классических гимназий либо сдавшим экзамены по их курсу; количество часов на древние языки не достигло прусской нормы, которую воспринимали как образец (8–9 часов латыни в неделю), но все же оно было весьма значительным: в среднем свыше 6 часов в неделю в течение 8 лет, греческий — в среднем по 6 часов в течение 6 лет. Классическая гимназия подвергалась многочисленным нападкам, прежде всего спровоцированным привлечением учителей из славянских провинций Австро-Венгрии, которых за отсутствием собственных педагогических кадров приходилось выписывать в массовом порядке. Самый яркий пример из выпадов русской словесности — знаменитый «Человек в футляре». Но — заметим по поводу — Передонов в «Мелком бесе» преподает *русский*, а не латинский язык. Общий культурный и научный уровень страны поднимался, и это неоспоримо; о классической гимназии Л. И. Поливанова мы уже писали, Новочеркасская гимназия может гордиться А. Ф. Лосевым, гимназия К. И. Мая в Петербурге — многочисленными представителями семейства Семеновых-Тян-Шанских, Гумилев учился в Царском Селе у Анненского... Относительно того распространенного среди специалистов тезиса, что русский Серебряный век вышел из толстовско-катковской классической гимназии, полного единодушия нет: если лучший преподаватель латинского языка в современной московской школе д. и. н. А. В. Подосинов не сомневается в нем, то такой крупный филолог, как М. Л. Гаспаров, считает его сильно преувеличенным. Подлинную картину могут выяснить лишь конкретные исследования на широком материале; но сама по себе значительная роль классических гимназий в культурном расцвете начала XX в. не подлежит сомнению.

И последнее: в сегодняшней России есть лишь одна полноценная классическая гимназия (610-я в Петербурге); ее опыт показывает исключительную эффективность этого типа в современных условиях.

Врез 1. «В гимназиях имеют быть преподаваемы изящные науки, языки латинский, французский и немецкий; логика, основание чистой математики, также механики, гидравлики и других частей физики, наиболее в общежитии нужных, сокращенная естественная история, всеобщая география и история, основания политической экономии и коммерции. Сверх того будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подающие чистое понятие о Законе Божиим и гражданских обязанностях» (§ 35 Устава учебных заведений, подведомых университетам, от 5 ноября 1804 года).

Врез 2. Учителя латинского языка были Ив. С. Д...ов и Андрей Иванович Б...ский, — оба весьма любопытные характеры. Первый был человек не без сведений, но страшно-раздражительный, и эта раздражительность делала его злым, а нередко и глупым. Поучая в низших классах, он, бывало, всех, получивших единицы, с самого начала урока до конца, заставлял стоять посреди комнаты, согнувшись дугою; если утомленные мальчики прислонялись к стенам или скамьям, то приказывал другим воспитанникам отталкивать их в спины... Надо заметить, что в мое время в низших классах гимназии весте с детьми поучались и недоросли лет 18 и 19, которые, убоясь бездны премудрости, прямо из второго или третьего класса поступали в военную службу юнкерами. Ученье не шло им в голову; на уме были сабля и шпоры... Раза два или три, помню, садился он верхом на одного из таких взрослых болванов, которым

обыкновенно приходилось стоять согнувшись за полученные единицы, и заставлял возить себя по классу, к общему удовольствию школьников.

А. Н. Афанасьев. До гимназии и в гимназии. Из воспоминаний.

Врез 3. Здесь не место распространяться, почему я отдаю безусловно преимущество классическому образованию для вступающих в университет. Скажу только, что это я делаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изучению древних языков, языка отечественного, истории и математики. Я сошлюсь в этом на вековой опыт, который, вопреки всем возгласам противников, все-таки доказал, что изучение этих наук одно и *само по себе* уже достаточно образует и развивает дух человека, приготавливая его к восприятию всевозможных — и нравственных, и научных — истин... Реализм же хотя и развивает наблюдательную способность и разум человека упражнением чувств и изучением мира внешнего, но никогда еще один, сам по себе, не мог вполне развить все высшие способности духа.

Н. И. Пирогов. Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения.